

Обзор литературы

ПРЕНАТАЛЬНЫЕ (ДОРОДОВЫЕ) ИСТОКИ НЕМОТИВИРОВАННОГО НАСИЛИЯ¹

Брехман Г.И.

Междисциплинарный клинический центр Хайфского университета, Хайфа, Израиль

РЕЗЮМЕ Обобщены данные литературы о роли пренатального психического развития в происхождении агрессивного поведения индивида. Определены основные факторы, формирующие у неродившихся детей негативный опыт, который может проявляться в виде насильственных форм поведения. Предложены меры по предупреждению распространения немотивированного насилия с позиции перинатальной психологии.

Ключевые слова: перинатальная психология, предотвращение, немотивированное насилие

Недавно израильская общественность была шокирована сообщением об обнаружении группы молодых людей, использовавших фашистскую символику и проявлявших насилие по отношению к наркоманам, бездомным и т.д. Один из них в ответ на вопрос об их планах сказал, что они предполагали *добыть оружие, убить как можно больше людей, а затем покончить с собой*. К счастью, они не успели этого сделать.

Аналогичная история, но с трагическими последствиями произошла в США. 20 апреля 1999 г. в Колумбинской средней школе в Литтл-тоне (штат Колорадо) два старшеклассника — Эрик Харрис, 18 лет, и Дилан Клебольд, 17 лет, надев лыжные маски, пришли в школьный кафетерий во время завтрака и начали стрелять из автоматов. Они *убили двенадцать своих одноклассников, одного из преподавателей-мужчин, ранили двадцать четыре других и затем совершили самоубийство*.

Дневник одного из них показал, что планирование массового убийства происходило в течение года. Убийцы хотели взорвать школу со всеми, кто в ней был, включая преподавателей и 500 учащихся. Дневник был переполнен темами нацизма и антисемитизма. Харрис написал на сайт родителям одного из учеников, что он собирается убить их сына и многих других: *«Меня не беспокоит, останусь ли я жив или умру в перестрелке, все, что я хочу делать — это убивать и уродовать многих из вас, скольких смогу»*.

Они являлись членами группы из 12 школьников, выделявшихся необычным поведением, а одеждой напоминавших нацистских штурмовиков. Юноши были известны как приверженцы Гитлера, и нападение было приурочено ими к 110-й годовщине его рождения. Объектами их презрения становились популярные спортсмены, религиозные лица, группы меньшинств, особенно евреи. В связи с этим отметим: один из убийц был внуком известного в этом городе мецената-еврея, который жертвовал в пользу еврейского центра столько, что Центр называли его именем.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что стиль поведения израильских подростков, объединившихся в группу неонацистов (все они были из неполных семей репатриантов, испытывали нужду, трудности с языком), практически совпадает с образом мышления и поведением американских ребят, родившихся и выросших на американской земле, выходцев из состоятельных, внешне благополучных семей. У них имелись личные автомашины и достаточно денег для приобретения одежды, оружия и взрывчатки. Это сопоставление заставляет задуматься нас вопросом: имеют ли значение в проявлении нацистских тенденций, неперсонифицированной ненависти, немотивированного насилия такие факторы, как материальное благополучие, семейное положение, эмиграция и т.д.?

Brekhman G.I.

PRENATAL SOURCES OF MOTIVELESS VIOLENCE

¹ Доклад на семинаре «Немотивированное насилие» 22 октября 2007 г. в Доме ученых (Хайфа, Израиль)

Подвергая сомнению значение указанных факторов, считаю необходимым пояснить свою точку зрения: я принимаю постулат, что любое событие, происходящее в материальном мире, следует рассматривать как *процесс многофакторный*. Это же положение относится и к феномену насилия. Я решил изложить эту позицию в начале статьи, чтобы не отвлекать читателя, мыслящего теми же категориями. Известны различные теории причин насилия: теория неадекватного воспитания, слабого религиозного образования в школах, социального и экономического неблагополучия, недостаточного внимания со стороны школьной администрации, полиции и т.д. Обсуждаются влияние изображения сцен насилия по телевидению и в кино, в текстах рок-музыки, роль наркотиков, всеобщая деградация морали и др. Все эти факторы — совместно или каждый в отдельности — несомненно, имеют значение и подтверждают тезис о многофакторности такого явления, как насилие. Но все эти теории рассматривают факторы, оказывающие влияние на человека *после его рождения*.

Не упуская из виду значение этих причин, лежащих в основе насилия, я предлагаю остановиться на роли *пренатального (дородового)* опыта в происхождении насильственного поведения индивида — и не потому, что он является главным и единственным, а по следующим соображениям.

В течение последних 35 лет проводятся интенсивные исследования, показывающие способность еще не родившегося ребенка к эмоциональному восприятию и сохранению в памяти впечатлений о совместных с матерью переживаниях различных событий и даже мыслей матери. Более того, воспринятые до рождения впечатления во многом определяют образ мышления и стиль поведения человека в его последующей жизни [8, 11]. Впечатления могут быть позитивными, способствующими расцвету генетически обусловленных талантов и задатков. Но, к сожалению, порой внешние обстоятельства (социальные, экологические, психологические) могут вызывать серьезные переживания матери, нести негативную информацию, пробуждать у нее соответствующие эмоции, деструктивные мысли и даже приводить ее к насильственному поведению, в частности по отношению к своему еще не родившемуся ребенку. В результате после рождения у ребенка, а затем у взрослого может обнаружиться склонность к повышенной агрессии и насильственному поведению [5, 6, 8, 9, 10, 15].

Роль дородовых впечатлений в возникновении насилия начала обсуждаться относительно недавно, в течение последних 20—25 лет. И, следовательно, об этом знает относительно небольшое число специалистов, работающих в области пре- и перинатальной психологии. Между тем, накопившихся фактов уже столько, что пришла пора привлечь к решению проблемы более широкую и квалифицированную аудиторию.

Публикации специалистов, пытавшихся обратить внимание общественности на пренатальный период развития человека (личности), в различных научных и популярных журналах, их выступления в средствах массовой информации до сего времени воспринимаются как экзотика. Вот почему у нас появилась идея расположить эти статьи под одной обложкой, где специалисты из разных стран, независимые друг от друга, могли бы изложить свой взгляд на проблему насилия. Этим целям служит издание книги «Феномен насилия. Взгляд с позиции пре- и перинатальной психологии и медицины», осуществленное на английском и русском языках под нашей редакцией. Она опубликована с надеждой, что в таком виде аргументы авторов будут выглядеть более убедительно.

Еще одно: в связи открывшимися обстоятельствами, свидетельствующими о наличии эмоционального восприятия и активной дородовой памяти у неродившегося ребенка, появилась необходимость информировать об этом широкие круги населения с целью предупреждения психологических травм у следующего поколения, проявляющихся, в частности, в склонности к насилию.

*Откуда же у некоторых индивидуумов появилось стремление к немотивированному насилию? Эту ситуацию исследовал известный американский психиатр и психотерапевт John Sonne [14]: «Когда я прочитал описания размышлений, чувств и поведения Харриса и Клебольда, я был потрясен тем, насколько они были идентичны таковым многочисленных лиц, оставшихся в живых после попыток аборта, с которыми я интенсивно работал в психоанализе и семейной психотерапии в течение последних нескольких десятилетий». Автор подробно описывает *уникальный психологический синдром*, характерный для лиц, перенесших попытку матери сделать аборт. Назовем их сокращенно ППА.*

ППА напоминают людей отверженных, неприглашенных, нелюбимых, не заслуживающих и недостойных любви, непривлекательных и ничего не стоящих. Они имеют тенденцию развивать лицемерные качества личности. Несмотря на

эти отрицательные чувства и сомнение, они ищут внимания окружающих. ППА пессимистично относятся к возможности когда-либо обнаружить любовь к себе и нередко, когда им ее предлагают, не способны ее принять. В некоторых случаях поиск внимания выводит их на деструктивную дорогу прославления их нетрадиционной антиобщественной деятельности.

Нередко у ППА появляется чувство, что они то ли полуживые, то ли полумертвые, они не ощущают реальность, и эта жизнь для них мало значима. ППА нередко оценивают себя как неизлечимых или генетически испорченных. Им чрезвычайно трудно относиться с доверием к другим людям. Они неблагодарны, не умеют быть признательными, не чувствуют настоящего времени и связи времен, они нигилисты, не верят «ни в Бога, ни в черта». Мать и/или отца, или обезличенный мир они идентифицируют с образом агрессора, склонного произвести аборт. ППА сами склонны к убийствам и самоубийствам. Они часто настолько яркие, компетентные и высоко квалифицированные в своем деле личности, что невольно возникает вопрос: почему они так сильно ненавидят себя?

Враждебность может быть направлена на собственных родителей или на людей, обладающих властью, то есть на символические родительские фигуры. Для ППА нет ничего святого, но и они не находят ничего святого по отношению к ним. Sonne подчеркивает, что они чувствуют себя подобно осужденным преступникам, чьи смертные приговоры отсрочены, пока они находятся в камере смертников, ожидая исполнения приговора. Sonne не имел точных доказательств того, что матери этих молодых людей предпринимали попытку аборта. Он утверждает, что психологические особенности таких подростков столь типичны, что, даже не зная мысли и действия матерей, можно с достаточной надежностью утверждать, что они относятся к категории людей ППА.

Но достаточно ли информации, полученной до рождения, для формирования насильственных тенденций у ребенка и взрослого?

Нет, недостаточно. Если родители после рождения изменяют свое отношение к ребенку, начинают проявлять к нему внимание и доброжелательность, любят и жалеют его, то они могут смягчить полученную им травму.

Если же родители продолжают отвергать ребенка и после рождения, если они подвергают его насилию, психическому и/или физическому, то исходная информация получает подтвержде-

ние, и у ребенка постепенно формируются агрессивные черты характера, внезапные, психопатические проявления гнева и ярости. В критические периоды развития (например, в периоде полового созревания), при возникновении стрессовых ситуаций это может реализоваться в виде насильственных действий.

В подтверждение сказанного позвольте представить вам двух убийц, казненных в Америке, в Штате Калифорния в 1991 и 1993 гг. О них сообщает известный американский психолог David Chamberlain [3].

Из досье на Дэвида Мэйсона следует, что он был грустным, одиноким ребенком, его мать пыталась прервать беременность и никогда не позволяла ему забывать, что он родился нежеланным. Старшие сестры описывают свой дом как очень строгую обитель, где объятия и смех были запрещены и где отец почти ежедневно бил маленького Дэвида ремнем или гимнастической палкой. Когда Дэвиду было только пять лет, он предпринял попытку самоубийства, проглотив упаковку пилуль и бросив свою одежду в огонь. С восьми лет он перенес свою враждебность за пределы дома, устраивая пожары в церкви и в школе. Родители начали запирали его в дальней комнате — спальне с заколоченными окнами, которую они называли «темницей». В возрасте 23 лет Мэйсон в течение девяти месяцев охотился на людей, живших недалеко от того места, где он вырос, и одного за другим задушил четверых пожилых мужчин и женщин. Позже он признался, что это было «то, что я всегда хотел сделать».

Начало жизни Харриса было поразительно похожим. Он родился на три месяца раньше срока после того, как разъяренный отец жестоко избил его мать, пиная в живот так, что у нее началось кровотечение. Как и в семье Мэйсона, оба родителя часто били Роберта. Отец кулаком сломал Роберту челюсть, когда ему не было еще и двух лет. Если ребенок, сидя за столом, тянулся к чему-то без разрешения отца, тот втыкал ему вилку в руку. Ради спортивного интереса отец заряжал ружье и сообщал детям, что они имеют 30 минут, чтобы спрятаться вне дома, после чего он будет охотиться на них, как на животных, угрожая застрелить любого, кого он найдет. Отец был заключен в тюрьму за изнасилование своей дочери, а мать курила и принимала алкоголь до самой смерти. Подобно Мэйсону, юный Харрис вскоре начал проявлять гнев и злобу по отношению к животным и людям. В двадцать пять лет в Сан Диего он застрелил двух подростков. Обвинители сообщили суду, что Хар-

рис насмеялся над жертвами, прежде чем они умерли, глумился над ними, когда взводил спусковой крючок, а потом спокойно съел гамбургеры, которые подростки купили себе на завтрак.

Приводя эти примеры, я хочу обратить ваше внимание на то, что нежеланность ребенка до рождения получает подтверждение после его появления на свет, а следовательно, еще один фактор — насилие и жестокое воспитание после рождения — играет важную роль в формировании насильника.

В статье по случаю казни Мэйсона американский конгрессмен Дирлин из Сан Диего писал: «Такие люди, конечно, должны быть приговорены к смертной казни. Но может ли общество чувствовать себя комфортно при осознании того, что этот случай насилия, возможно, начался в лоне матери?» Профессор-психиатр Томас Верни, нынешний лидер пренатальной психологии Америки, комментируя это выступление конгрессмена, пишет [16], что «он продемонстрировал хорошее понимание проблемы. Можно только пожелать, чтобы возможно большее количество ученых и специалистов также поняли это». Но важно, чтобы это понимали не только специалисты, но и общественность, население, беременные матери и их близкие. Порою это понимание приходит поздно, слишком поздно, не всегда и не ко всем.

В 1974 г. в Мюнхене была издана книга В. Gareis и U. Wiesnet «Раннее детство и криминальность» [7], в которой они опубликовали *протоколы бесед с матерями*, дети которых совершили тяжкие насильственные преступления. Вот что рассказывает одна из них: «Когда я была на третьем месяце беременности Антоном, я хотела выйти замуж. Мне в то время было семнадцать лет. Когда мой отец узнал об этом, он был дико разъярен и избил меня. Я не могла выйти замуж, потому что моего любимого человека не допускали к моему отцу. ... С того момента, как отец узнал, что я беременна, я совершенно лишилась покоя. Когда я приходила домой поздно вечером и мой отец понимал, что я была с отцом Антоном, я всю ночь не могла заснуть, потому что он многократно ругал и избивал меня. Нередко я кричала целую ночь. У меня даже появились мысли о самоубийстве, но я не находила в себе смелости сделать это, потому что я помнила о своем ребенке. ... Перед родами я была настолько возбужденной, что начинала кричать по самому незначительному поводу. ... Рождение Антоном было самым плохим опытом моей жизни. ... Когда я кормила его грудью, я кричала все время, так что Антон тоже начинал кричать. Антон часто болел. Он был беспокойным, нервным и очень легко пугался. ... Двое

других моих детей полностью отличаются от него. Во время беременностей ими у меня не было никаких неприятных событий. Сейчас я думаю, что беременность — наиболее важное время в жизни ребенка. Антон имеет хорошее сердце. Он не хотел убивать. Это не его вина, что он пошел путем, которым пошел». В детстве Антон иногда привлекал к себе внимание в школе в связи с его застенчивостью и одновременно раздражительностью и непредсказуемым поведением, начиная с членовредительства и до массивной агрессии. «Когда ему исполнилось семнадцать лет, Антон жестоко убил шестнадцатилетнюю девочку. Он убивал ее самым безжалостным образом — многократным обвитием веревки вокруг шеи и удушением ее в течение нескольких минут. Антон совершил преступление без какого-либо эмоционального волнения. ... Его личное беспокойство проявлялось в повышенной раздражительности, склонности к недоверию и *ревности*. Он способен был усиливать свои переживания вплоть до демонстрации самоубийства».

Эта несчастная мать в результате наблюдений и умозаключений поняла, хотя и поздно, какова роль насилия во время беременности для будущего ребенка. Но осознал ли это его дед и ему подобные? Многие члены общества, куда входят и будущие матери, не знают и не ведают, что означают мысли и чувства матери для зародившейся жизни. Если бы они прониклись этой идеей, на свете было бы меньше несчастий. Итак, в появлении у подростка, взрослого склонности к насильственным действиям имеют значение *отвержение до рождения и подтверждение нежеланности после рождения с включением психологического или физического насилия в течение периода детства*.

Но может быть, описанные случаи единичны, касаются отдельных личностей и не отражают существующую закономерность? Отнюдь. Психологическая характеристика, данная Sonne ППА, полностью совпадает с описанием психологических особенностей нежеланных детей, которую приводит группа пражских психологов [4]. Более 10 лет они наблюдали большую группу (220 человек) так называемых нежеланных детей. Исследования проводились трижды: в 9—10, 14—16 и 18—23 года. По мере роста этих детей отличия в мышлении и поведении от сверстников, которых отнесли к группе желанных (224 человека), становились более отчетливыми. Помимо выявленных и описанных психологических особенностей нежеланных детей, ученые обнаружили, в частности, что лечение нежеланных детей по поводу алкоголизма проводилось практически в 2 раза чаще, чем детей

из контрольной группы; число лиц, совершивших мелкие преступления и имевших судимость, среди нежеланных детей в 2 раза больше, а серьезные преступления и неоднократная судимость у них встречались в 3 раза чаще, чем у лиц контрольной группы. Авторы заключают, что конечные результаты исследования отражают взаимодействие целого комплекса неблагоприятных обстоятельств, в число которых, несомненно, входят и нежелательность беременности, и отказ от ее прерывания. Наши исследования, проведенные совместно с учеными кафедры психиатрии, наркологии и психологии Ивановской государственной медицинской академии, полностью совпадают с описанием психологии детей, родившихся после нежелательной беременности [1].

Обязательно ли только нежеланность ребенка у матери до рождения приведет его в последующем к насильственным действиям? Нет, не обязательно. Имеют значение *психологические травмы*, по содержанию связанные не с нежеланностью, а, например, с насилием по отношению к беременной женщине или несправедливостью переживаемой ею самой или вместе с мужем и порождающей у нее идеи отмщения, расправы, насилия по отношению к обидчику. Кроме того, имеют значение психологические особенности самой женщины, которая может продуцировать деструктивные мысли.

Всегда ли действия лиц, перенесших попытку аборта, направлены против окружающих людей? Нет, не всегда. Иногда их *насилие* может быть направлено *против себя* и только против себя, с чем связана их склонность к самоубийству.

Формированию насильственных форм поведения, помимо отвержения во время беременности, могут способствовать осложненное течение родов, оперативное родоразрешение [12, 13].

По мнению специалистов, работающих в области перинатальной психологии [6], к факторам, которые формируют у неродившихся детей *негативный опыт* и, в конечном счете, проявляются в виде *насильственных форм поведения*, следует отнести такие:

- *Неоднократные* пренатальные психологические *травмы*, которые с большей вероятностью реализуются в виде насилия и агрессии, чем единственная травма.
- *Дефицит бондинга* (привязанность матери к ребенку еще до рождения), находящийся в прямой связи с агрессией и насилием. Чем больше степень выраженности дефицита бондинга, тем больше вероятность проявления повышенной агрессии.

- *Содержание пренатальных травм*. Пренатальные травмы, связанные с *отвержением*, с большей вероятностью будут оказывать воздействие на бондинг, в том числе и на его полное отсутствие, по сравнению с другими травмирующими факторами.
- *Прямая подверженность агрессии и насилию в течение пренатального периода* (попытка аборта, мысленное отвержение ребенка, гнев по отношению к ребенку), определяющая высокий прогноз насилия во взрослой жизни.
- *Осложнения при рождении, способные усилить пренатальную травму*.
- *Психологическая атмосфера в семье, группе, коллективе, обществе*. Обстановка отвержения, унижения, безразличия, насилия в семье по отношению к ребенку и/или другим ее членам формирует искаженное представление о социальных нормах взаимодействия в обществе. Носители этих представлений переносят усвоенные ими навыки за пределы семьи.
- *Трудности взаимодействия с себе подобными и в коллективе*. Пренатальные травмы, в том числе нежеланность, мешают индивидууму формировать взаимоотношения с окружающими и позднее предрасполагают его/ее к насилию.

Накопление людей с пренатальными травмами формирует определенный *психологический климат в обществе*, меняет общепринятые традиционные взаимоотношения между членами общества, способствует росту домашнего насилия, напряженности между обществами, между ранее дружественными странами [5, 8]. Авторы высказывают предположение, что многие харизматические лидеры и диктаторы пережили до собственного рождения пренатальные травмы, связанные с их отклонением, отвержением или другими факторами.

Когда эта статья была завершена, пришли новые сообщения. 7 ноября 2007 г. 18-летний Пекка-Эрик Аувинен из школы Йокела в городке Туусула, что в 50 км севернее Хельсинки, застрелил из пистолета 22 калибра восьмерых человек. Когда приехавшая полиция попросила его сдаться, он выстрелил себе в голову. Жертвами стали 5 мальчиков, 2 девочки и директор лицея. Еще 12 человек получили ранения.

Аувинен рос в самой благополучной семье, его отец — музыкант, мать работает в муниципали-

тете. Пекка разместил на популярном интернет-сайте видеоролик, в котором демонстрировал, как проверяет свой пистолет, и целился прямо в камеру. За несколько часов до акции на том же сайте появился ролик, названный «Бойня в школе Йокела», в котором молодой человек заявил, что готов *сражаться и умереть*, чтобы уничтожить всех, кто является *ошибкой естественно-го отбора*. Учителя рассказали полиции, что Пекка любил историю и интересовался экстремизмом.

Очевидцы рассказывали, что преступник действовал как обезумевший, выкрикивая лозунги, где ключевым словом была «революция». Полагают, что имелась в виду Октябрьская революция в России, произошедшая как раз 7 ноября.

Истинные мотивы преступления выясняет полиция. Едва ли ее будут интересовать пренатальные аспекты, тем более что мальчик рос в благополучной семье. Однако стиль поведения заставляет предполагать, что он был одним из ППА.

Другое сообщение более благополучное, но не менее тревожное. Германская полиция предотвратила бойню в одной из школ Кельна. Два озлобленных на весь мир тинейджера намеревались перестрелять своих одноклассников. Поймали злоумышленников благодаря их соученикам: те заметили, что ребята слишком заинтересованно изучают в Интернете фотографии бойни в американском городе Колумбина, и доложили об этом директору школы. Один из подозреваемых после допроса в полиции бросился под трамвай. Второй признался, что они планировали нападение на школу. В квартирах тинейджеров были найдены два арбалета и два духовых ружья.

Таким образом, в разных странах — США, Израиль, Германия, Финляндия — произошли ситуации типичного поведения юношей в возрасте 17-18 лет. Кое-где к такому поведению отнеслись без должного внимания, и это привело к трагедии. Там же, где было проявлено должное внимание к настораживающему поведению и интересам, трагедию удалось предотвратить. Вероятно, пришло время проявлять высокую степень бдительности, ибо накопилось слишком много людей, перенесших серьезные травмы до ро-

ждения, в том числе травмы, связанные с попытками прервать беременность.

Каковы должны быть наши шаги по пресечению эндемии, которая называется насилие, по предупреждению широкого распространения немотивированного насилия? Помимо предлагаемых мер социального и иного плана, с позиции пре- и перинатальной психологии целесообразно было бы предпринять следующее.

- Широкое информирование населения о высокой эмоциональной восприимчивости ребенка с момента зачатия до рождения. Общество должно позаботиться о бережном отношении к еще не родившемуся ребенку, вынашивающей его матери, молодым семьям, ожидающим детей.
- Профилактика насилия (домашнего, уличного и др.) должна начинаться с недопущения физического и психического насилия по отношению к женщинам, в том числе беременным, а беременных женщин — по отношению к своим еще не родившимся детям.
- Необходимо формирование общественного мнения, в соответствии с которым забота о психическом и физическом здоровье будущего поколения является приоритетным направлением всех социально-экономических, политических и психологических преобразований общества.
- Перспективным является создание постоянно действующей системы профилактики дородовых психологических травм — школ дородового воспитания ребенка, обеспечение программами и подготовленными специалистами, работающими с беременными женщинами (семьями).
- Для обеспечения преемственности важным является повсеместное информирование специалистов: врачей-акушеров, акушерок, психологов, неонатологов — о достижениях перинатальной психологии для преобразований в технологии сопровождения женщины при беременности и родоразрешении для профилактики психических травм и психосоматических расстройств у рождающегося ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнова С.Г. и др. Дородовые впечатления и поведение подростков // Вестник Дома Ученых (г. Хайфа). — 2006. — Т. 8(1). — С. 116—120.
2. Brekhman G., Lapochkina N. Psycho-sympathetic parities at the *women* interrupting pregnancy // *Sano thinking, theory and practice*. — М., 1998. — P. 43—48.
3. Chamberlain D. Baby about Violence // *The Phenomenon of violence. View from the position pre-* and perinatal psychology and medicine / Eds. G. Brekhman and P. Fedor-Freybergh. — 2005. — P. 101—114.
4. David H. et al. Born unwanted Developmental Effects of denied Abortion. — New Jork, 1988.
5. DeMause L. Restaging Fetal Traumas in War and Social Violence // *Pre- and Perinatal Psychology Journal*. — 1996. — Vol. 10(4). — P. 229—260.

6. Emerson W. The Vulnerable Prenate // J. of Prenatal and Perinatal Psychology and Medicine. — 1998. — Vol. 10. — P. 5—18.
7. Gareis B., Wiesnet E. Fruhkindheit und Kriminalitat. — Munchen, 1974.
8. Grof S. Realms of the Human Unconscious. — New York: Viking Press, 1975.
9. Ingalls L. Born to Live: Premises and Multiple Birth Traumas // ISPPM-Journal. — 2001. — Vol. 13(1-2). — P. 99—110.
10. Janus L. The Enduring Effects of Prenatal Experience. — Heidelberg, 2001.
11. Kafkalides A. The knowledge of the womb. — Corfu, Greece: Triklino House, 1980.
12. Kandel E., Mednick S.A. Perinatal complications predict violent offending // Criminology. — 1991. — Vol. 29(3). — P. 519—529.
13. Raine et al. Birth complications combined with early maternal rejection at age one year predispose to violent crime at age 18 years // Archives of General Psychiatry. — 1994. — Vol. 51. — P. 984—988.
14. Sonne J. Abortion Survivors at Columbine // Journal of Prenatal and Perinatal Psychology and Health. — 2000. — 15. — P. 3—18.
15. Turners J & T. Conception: Vital Link in Relationships in Prenatal Psychology // ISPPM-Journal. — 1998. — Vol. 10(1). — P. 29—37.
16. Verny T. Birth and Violence // J. of Prenatal and Perinatal Psychology and Medicine. — 1997. — Vol. 9. — P. 1—16.

Поступила 28.09.2007 г.